

Илья Куликов

МАЛЮТА

18+

Часть 1

Илья Куликов
Малюта. Часть 1

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Куликов И. Ф.

Малюта. Часть 1 / И. Ф. Куликов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-93035-3

Стоны, плач, ужас... В тяжелые времена - свои герои, свои правила, свои законы. С большим трудом собранную Русь бояре хотят растащить по кусочкам, однако на их пути - царь Иван Грозный и его верный пес Григорий Скуратов. Он без всякой жалости готов выжигать измену и казнить предателей, особо не задумываясь, насколько те виновны. Пути назад не будет. Россия останется единой, даже если в Александровской слободе тысячи умрут под пытками.

ISBN 978-5-532-93035-3

© Куликов И. Ф., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Введение	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Илья Куликов

Малюта. Часть 1

Признание, полученное
не под пыткой, считается недействительным.

Введение

В лето 7072 года от сотворения мира или 1563 года от Рождества Христова князь Курбский Андрей Михайлович, один из самых лучших полководцев и сподвижников царя Иоанна IV Васильевича, бежал в Литву, боясь, что грозный царь обрушит на него свой гнев.

Курбский вёл свой род от князей Ярославских и поэтому всей душой был против решения царя стать самодержцем. Но при этом Андрей Михайлович был самым преданным другом царя Ивана, когда тот хотел делить свою власть с боярами – потомками бывших удельных князей, ведущих свои роды от Рюрика и Гедимины.

Предки князей и бояр склонили свою голову перед дедом царя – великим князем Иваном, но, по их мнению, это мало что меняло. Если раньше каждый князь управлял маленькой частью Руси – своей вотчиной, то теперь, по мнению Андрея Курбского и большинства других князей, все они – Рюриковичи, Гедиминовичи, должны вместе управлять большой страной из Москвы. Для бояр государь Московский по-прежнему оставался всего лишь старшим братом, которому они вправе говорить, что делать, когда им есть что сказать, и не выполнять его волю, когда они с ней не согласны.

Молодой царь Иван любил и слушал Андрея Курбского и Алексея Адашева, чтит протопопа Сильвестра, разделяя с ними власть, но теперь это время прошло. Сильвестр был сослан в Соловецкий монастырь, Алексея Адашева посадили под стражу в Дерпте, где он и скончался два года назад. Старая удельная Русь уходила, и её сменяло новое государство. А в этом государстве ему – князю, ведущему свой род от Фёдора Черного, места нет.

Андрей Михайлович хорошо знал царя, знал, что Иван вовсе не глуп и если уж решил стать единовластным правителем, то добьётся своего. Именно поэтому он решил бежать в Литву в самый разгар войны, понимая, что этим он покрывает своё имя позором. Однако Курбский всё же надеялся вернуться обратно на Русь. Пусть величие Руси останется в прошлом, пусть многие земли отойдут Литве, но всё будет по-прежнему. В Москве сядет править новый царь, который будет благоразумно чтить свою многочисленную родню и во всем с ней советоваться.

Жигимонт II, король Польский и великий князь Литовский, ещё зимой послал своих людей к Андрею Курбскому, убеждая того перейти под его руку и обещая щедро наградить. В Польше и Литве прекрасно понимали, что князь Курбский отлично знает не только нынешнее положение дел в России, но и сможет быть полезным в войне, подсказывая хитрости и угадывая действия русских войск. Курбский долго раздумывал над предложением короля Жигимонта и наконец решился бежать. Поскольку Андрей Михайлович мыслил после победы короля над царём Иваном возвратиться уже в новую Русь, он бежал всего с одним слугой – Василием Шибановым, оставив свою семью в России.

Чужбина приветливо встретила беглого князя. Король Жигимонт щедро наградил предателя землями и богатствами. Находясь в Вольмаре – ливонском городе, принадлежащем королю Жигимонту, князь Курбский написал царю письмо. Он знал, что его имя по-прежнему много значит на Руси, и знал, что царь Иван не будет таить это послание. Пусть прочтает его всем боярам, пусть все князья услышат его слова и уйдут от гнусного тирана! Уйдут не одни, а с ратниками, со своими бывшими вотчинами. Тогда Русь станет прежней.

– Эй, Васька, – проговорил князь Курбский, обращаясь к тому самому слуге, с которым он бежал из России, – соскучился по дому? Слышал я, у тебя жена должна разрешиться от бремени. Хотел бы дитя увидеть?

Ваське Шибанову было почти сорок пять лет, из которых он тридцать лет служил князю. Здесь, на чужбине, ему было не по себе. Всё здесь было для него чужим.

– Что молчишь? Вижу я, что не мило тебе здесь. Поезжай на Русь, крести ребёнка. Вот тебе от меня на долгую память подарок, – протягивая своему слуге серебряный крестик, сказал князь, – а ещё возьми вот деньги, они тебе пригодятся. Ну чего ты молчишь?

Васька Шибанов боязливо взял из рук князя тяжёлый серебряный крест и бережно убрал его за пазуху.

– Коли мне Боженька сына пошлёт, то нареку его Андреем. В честь тебя, княже!

– Так у тебя ведь уже есть сын Андрей, – усмехнулся князь, – ну что ж – тот будет Большой, а этот Меньшой! Выполнишь мою последнюю волю, Васька?

– Любую, князь.

– Письмо моё отвезёшь государю Ивану. Тебя, Васька, могут схватить и начать пытаться. Смотри, не смей говорить, с кем я в последние дни встречался и от кого люди приходили ко мне ещё там, в России. Ты не бойся – бить тебя крепко не будут. Пытать и мучить тебя будет Алексей Зверюга, а он мой человек. Он даст тебе возможность сбежать. Бери семью и уходи куда-нибудь в Новгород. Увидишь – через год я возвращусь на Русь вместе с королём Жигимонтом.

– А король Жигимонт нас в веру свою греховную обратить не будет пытаться? – поинтересовался Васька. – А то я всё думаю, как же быть. А ну как Жигимонт нас всех латинянами сделает, а души наши за такое предательство Иудино будут потом в геенне огненной пылать?

– Да не бойся ты. Жигимонту своих земель хватает, вся Россия ему не нужна. Он заберёт только то, что мы сами у него отобрали, чтобы мерзкому тирану на блюде золотом преподнести. Будет у нас в Московии новый царь – истинный, а не это чудовище. Ладно, Васька, скачи в Москву и вези вот это письмо от меня государю-хищнику.

Князь Андрей взял со стола запечатанное письмо и передал его Ваське, а после подошёл и крепко обнял его.

– Ты, Василий, самый верный мне человек. Даст Господь, не навсегда прощаемся.

– На всё воля Господня, княже, – прокричал Василий.

– Смотри, Васька, когда будут тебя пороть, не выдай людей, верных старине. Потерпеть придётся.

– Да пусть хоть кожу с меня сдирают – ничего не скажу.

– Не будут с тебя кожу сдирать. Говорю, там мой человек – Алексей Зверюга. Он, как узнает, что ты от меня, сильно тебя мучить не будет. Ты сбежишь, а он вместе с тобой. Всё, заканчивается царствование тирана, которого нам послал Дьявол, чтобы сбить Россию с пути истинного.

Глава 1

Царь Иван тут же приказал привести к нему посланника князя Курбского и даже сам вышел ему навстречу вместе с князем Афанасием Вяземским, которому было всего двадцать три года. Следом за царём потащились другие бояре, которые вечно находились в его палатах, пытаясь снискать его благоволения и при случае получить от него какую-нибудь милость.

Царь был на семь лет старше Афанасия. Ему нравилось, что, в отличие от других его ближников, молодой Вяземский вовсе не пытался при первой же возможности давать ему советы и указывать на то, что тот, мол, ещё по молодости своей неразумен. Всё, прошло то время, когда он во всём слушал умудрённых, да о своём лишь жите радеющих бояр.

– Курбский Андрюша гонца прислал. Видно, там, на чужбинушке, ему тоже не мило, – злобно усмехнулся царь Иван, – а ну-ка подай мне, Афоня, посох мой золотой, чтобы мне с подобающим видом выслушать Иуду. Думаешь, простить? Или пусть теперь уж у Жигимонта остаётся?

Князь Афанасий Вяземский подал царю посох. Ваську Шибанова он несколько раз видел и как-то однажды даже беседовал с ним.

– Чего притащился? Давай письмо своё, – проговорил Иван.

Как-никак, а Андрей Курбский когда-то был его другом, и его предательство было для царя большим ударом. Он уже решил простить беглого князя. Нет, конечно, наказать при этом, подвергнуть опале, лишиться части земель, но простить.

Васька Шибанов поклонился и протянул письмо князю Вяземскому, который взял его и, низко поклонившись, протянул царю.

– Чего ты мне его даёшь, Афоня? Читай, что там князь Курбский пишет. Как ему в землях у Жигимонта живётся, – сказал царь Иван, а после обратился к Ваське, – снял уже твой хозяин крест наш православный или пока только страну свою предал? Как он? Во всём Иуда или только в делах государственных?

– Князь Курбский креста не снимал и веры он нашей, православной.

– Ну это пока. Иуда тоже сначала думал, что всего лишь тридцать серебрянников возьмёт.

Князь Вяземский сорвал печать с письма Курбского и быстро проглядел его глазами. Там не было ни слова раскаяния.

– Царь-батюшка, – немного растерянно проговорил Вяземский, – а князь Андрей Михайлович вовсе не просит прощения. Всё равно читать?

– Читай! Али волю мою не слышал?

Вяземский тяжело вздохнул и громким голосом, почти что нараспев, начал читать письмо:

– Царю некогда светлomu, от Бога прославленному, а ныне омрачённому адской злобой, тирану, которого ещё земля дотолe не видывала. Внимай!

Царь Иван побледнел и до крови прокусил себе губу.

– Вот, значит, что мне Андрюшка Курбский пишет. Тиран, значит, я. А он кто? Иуда!

– Может, сжечь грамотку? – спросил князь Вяземский. – Там дальше...

– Читай!

– Скажу мало, но истину, – продолжил читать Афанасий Иванович, – почто муками истерзал сильных вождей, данных тебе Богом, и святую победоносную кровь их пролил? Разве не пылали они усердием к делам твоим? Вымышляешь клевету, называешь верных изменниками, а христиан колдунами. Чёрное для тебя стало белым.

– Вот отродье неблагодарное и лукавое! Это я-то чёрное белым нарекаю? – возмутился царь Иван. – Раз такой я нечестивый, так что же ты тогда от меня смерть не принял? Не захотел

на том свете венца мученика. А всё оттого, что на этом пожить хочешь. И сыто пожить, Иуда окаянный! Чего замолк, Афоня? Читай дальше! Нет, лучше скажи так, о чём он там дальше пишет, Иуда Искаротский.

– Дальше он перед Господом просит, чтобы кровь его, за тебя пролитая, отомщена была, царь-батюшка. Надеется на то, что предок его – князь Фёдор Чёрмный, святой из его рода, будет молить Господа о нём. Говорит, что с такой вот грамотой ляжет в гроб, чтобы на страшном суде передать её Господу как челобитную на тебя, государь.

– А видно, он позабыл, куда после смерти отправляются предатели? Мерзкий Иуда! Этого вон труженика схватите да допросите с пристрастием. Точно Курбский сподвижников здесь имеет. Хочет царство моё Жигимонту преподнести, а для этого ему меня, царя и помазанника Божьего, нужно на тот свет отправить. Что вы все глаза попускали? Князь Горбатый-Шуйский, ты чего насупился? Во хмуром взгляде твоём я усмешку читаю. А ты, Ховрин? Все вы, небось, князю Андрюше Иуде сочувствуете. Погодите, он вскоре рать Жигимонта прямо к нам в самое сердце поведёт.

Васька не сопротивлялся, кода двое крепких молодцев схватили его и утащили прочь с глаз государя. Оказавшись в подвале, он несколько часов просидел на сырой земле, прежде чем к нему подошёл одноглазый человек. Видно, много лет назад его лицо было изуродовано в бою.

– Вставай, холоп! Чего на земле развалился? Пойдём потолкуем. Знаешь, как меня зовут? Алексей Зверюга. Я любого говорить заставлю. Эй, Гришка, вытаскивай его из подземелья да привязывай его к крюку. Кнутом попотчю.

– Так ведь велено с пристрастием допросить, Алексей Васильевич, – возразил Гришка.

– Поучи ещё меня, как у изменников тайны выпытывать. Тебе сколько годов? Тридцать пять будет? А мне уже пятьдесят. Знаешь, сколько я тайн выведал? Привязывай давай его и иди кнут принеси.

После того как Гришка подвесил Шибанова, Алексей Зверюга с силой секанул Василия кнутом и рассмеялся.

– Больно? С кем князь Курбский в сообщение вступал? А ну говори!

– Ни с кем не вступал! Ни с кем!

Алексей ещё несколько раз секанул его и повторил вопрос, но Шибанов и не думал ничего говорить. Гришка стоял в стороне и смотрел, как Зверюга бьёт изменника кнутом.

Ну и чего он сможет таким образом узнать? Он бы ещё палочку предателю в рот дал, чтобы боль терпеть легче было. Одно в этом Алексее страшно – рожа его, подумал Гришка, видя, как тот сел на лавку и вытер со лба пот.

– Да не знает он ничего. Пойду я, Гришка, воздухом подышу, а ты пока приберись тут. Да не криви лицо. Служба у нас такая – кровушку вытирать.

– А больше его пытать не будем?

– А чего его пытать? Не знает он ничего. Я вот этим вот рассечённым носом чую, когда люди что-то скрывают. Этот ничего не знает.

Алексей ткнул пальцем в нос и расхохотался, а затем пошёл наверх.

Гришку взяли на службу государеву недавно. Он был хоть и дворянского рода, но настолько бедного, что выше, чем помощником заплечных дел мастера, подняться не мог и даже думать об этом не смел.

Помощник Алексея Зверюги подошёл к висящему Ваське Шибанову, который тяжело дышал и что-то тихо бормотал под нос.

– Больно тебе? – ласковым голосом спросил Гришка.

– Очень, братец, – пролепетал Васька, – водицы мне дай!

– А да, конечно, подожди немного, – сказал Гришка и тут же поспешил к бочке с водой. Зачерпнув оттуда ковшиком, он подошёл к подвешенному гонцу и поднёс к его губам воду, – на, напейся.

Васька глотнул и тут же выплюнул. Вода оказалась очень солёной. В эту бочку иногда, чтобы причинить больше страданий, Алексей Зверюга опускал свой кнут.

С самого раннего детства Гришке нравилось причинять боль и нравилось глядеть на то, как другие люди страдают. Было не так важно, из-за чего им было больно. Куда важнее для него было то, что эту боль нельзя было вынести. Заставить людей страдать он умел и хотел.

Григорий улыбнулся, смотря на то, как изменилось лицо Шибанова. Он с самого рождения ненавидел холопов – сытых и обласканных своими хозяевами. Ничего-то им делать не приходилось – знай себе низко кланяйся да почаще головой кивай. Вот и сейчас, небось, надеется потом от своего хозяина за службу и стойкость серебром получить. Ну что ж, в этот раз это будет намного сложнее, подумал Григорий.

– Кто враги государя? Молю ты, скажи мне, кого Курбский-изменник хочет переманить! Молю ты!

– Да не знаю я ничего, – ответил Васька, – тебя в аду за эту кринку воды бесы поджарят!

– Молю ты, скажи мне имена врагов государевых. Не доводи до греха.

Гришка схватил Ваську за шею и заставил смотреть ему в глаза. Холоп князя Курбского явно не боялся его и ничего говорить не собирался.

– Последний раз молю ты сказать мне имена врагов государевых.

– Я не...

Гришка не дал холопу договорить и пальцем начал выдавливать ему глаз.

– Молю ты, скажи мне имена изменников. Молю ты!

Боль была нестерпимая. Одно дело несколько ударов кнута, а совсем иное – когда тебе пальцем выдавливают глаз.

– Ховрин! Грек Ховрин – он с князем Курбским в сговоре.

– Ещё кто? Молю ты, скажи мне. Скажи! Молю ты!

Гришка вынул палец из выдавленного глаза и облизнул его, заставляя Ваську орать от боли.

– Я тебе сейчас второй глаз выдавлю. Ты уж прости, но ты не хочешь говорить. Глаз не ноготь – новый не вырастет, и ничем его не заменишь. Молю ты, скажи мне имена врагов государя.

– Сжался! Всех скажу! Князь Горбатый-Шуйский Александр Борисович с Курбским в дружбе. Сын его Пётр! На них князь надеется.

– Ещё кто?

– Окольничий Головин, Иван Сухой-Кашин, Дмитрий Шевырев, Горенский!

– А ты мне не врешь? – насупившись, спросил Гришка. – А ну как ты врешь? Нужно под пытками слова свои подтвердить. Сейчас я тебе второй глаз выдавлю. Молю ты, не обманывай меня. Скажи мне всю правду!

– Помилуй! – завопил Шибанов, когда Гришка стал ему выдавливать второй глаз. – Богом клянусь, что всех назвал. Никого не утаил. Ааа!

Гришка, выдавив второй глаз Шибанову, неторопливо подошёл к столу и взял тупой ножик. Слегка порезав им руку Васьки, он с удовлетворением кивнул головой.

– Тупой. Рвёт плоть, а не режет. Молю ты, не ври мне! Правда ли Горбатый-Шуйский в сговоре с князем Курбским? О чём они сговаривались? О чём Иван Сухой-Кашин с ним в сговоре? Отвечай, молю ты!

Гришка начал медленно разрезать живот холопу, который уже ревел от боли.

– Они царицу Анастасию отравили!

– Зачем?

– Из зависти! Помилуй, убей меня!

Гришка засунул один палец в живот Шибанову и начал просовывать второй.

– Молю тя, всё мне скажи, молю тя!

– Все они царицу извели, а теперь хотят и царя извести, так как он Русь старую уничтожил, воли им не даёт! Прошу тебя, Богом заклинаю, прекрати свои зверства. Молю тя!

В это время раздался хлопок двери и сверху раздался голос Алексея Зверюги:

– Гришка, ну чего ты там делаешь? Прибрался? Отвязывай давай этого скота, пусть так повалится. Никуда он не денется. Пойдём кваску испьём да по чарке вина творёного опрокинем. Ох, и любо мне творёное винишко – нутро жжёт!

– Алексей Васильевич, он рассказал всё! Во всём признался. Заговор бояре против царя учинили и царицу Анастасию смерти предали.

Алексей Зверюга быстрыми прыжками спустился внутрь и с ужасом посмотрел на Гришку, который стоял в его кожаном фартуке весь в крови.

– А ну-ка скажи мне, кто против царя крамолу замышляет!

– Горбатый-Шуйский с сыном, – еле перебирая губами, произнёс Васька, – Горенский, Шевырев, Кашин!

Алексей покачал головой и сплюнул. Вот ведь послал ему Господь помощника! Переусердствовал. Надо было сразу ему всё рассказать и серебром поделиться. Пожадничал, всё себе забрал. А теперь что делать?

Алексей подошёл к Ваське, достал из сапога кинжал и резким движением вспорол брюхо холопу.

– Он так умрёт! – крикнул Гришка. – Нужно потихоньку!

– А ну говори, сучий сын, кто на государя крамолу измышляет? Говори!

Алексей знал, что Васька ничего не скажет, потому что сразу испустит дух. Этого он и хотел. С опаской посмотрев на Гришку, он развёл руками.

– И впрямь издох. Жаль, слова свои под пыткой не подтвердил. Может, оговаривает князей. Такое царю не скажешь.

– Говорю я тебе, Алексей Васильевич, назвал он имена изменников.

– Раз под пыткой не подтвердил, значит, выдумал. Оговорил. Ты слишком ретив, Гришка. Давай вон убирайся тут.

Григорий Лукьянович Скуратов жил на окраине Москвы. Избу ему и его семье предоставили временно, как человеку, служащему государю. К вечеру он, переодевшись в добротный кафтан, который ему пожаловали, когда брали на службу, пошёл домой, неся в мешке сапоги ныне покойного Васьки. Серебряный крест и большую часть денег, которые были при холопе, забрал себе Алексей. Хорошо хоть сапоги позволил взять! Вот снесу их на торг и выручу пару монет, хорошая прибавка к небольшому жалованью будет, подумал Скуратов.

Григорий подошёл к бедной избе, в которой жил с семьёй, и, тяжело вздохнув, открыл дверь. Навстречу ему с радостными криками бросились три девочки. Он обнял всех троих разом.

– Батюшка пришёл со службы! Батюшка!

– Что вы тут без меня делали? Не скучали? Матушке по дому помогали или нет?

– А ты гостинцы нам принёс, батюшка? – радостно закричала старшая дочка Ксения, которой было тринадцать лет.

Красивая доченька выросла, да кто к ней посватается. Так и будет сидеть в девках, пока приданое не соберу, подумал Григорий. А что тут соберёшь – вон только если сапоги с покойника.

– Прости меня, Ксюша. Каюсь, не успел купить я вам сладостей.

– А в мешке что?

– А это сапожки мне друг богатый подарил. Вот снесу их на рынок и там на что-нибудь сменяю.

– Идите, что вы батюшке прохода не даёте. Садись, Григорий Лукьянович, за стол, откушай. Небось, на службе-то государевой в рот себе крошку хлеба не положил, всё времени не было.

Да где уж тут сидеть и жрать, подумал про себя Григорий, продолжая улыбаться. Тут бы всем с голоду не помереть. Это бояре высокородные по пять раз на дню жрут. Животы у них настолько надулись, что не каждый на коня влезть сможет. А тут хоть бы раз в день потрапезничать да детишек хлебом вволю накормить.

– Пойдём, Мария Михайловна, за стол, – сказал Григорий, – и вы, красавицы мои, садитесь. Вон как вкусно пахнет. Кашка?

– Не просто кашка, а с курятиной! Кошка Мурка вон подрастающую куру порвала. Спасти не сумели, теперь вот съедим её. Я кошку, дрянь, палкой сильно обиходила. Будет знать, каково курей воровать! На дереве от меня схоронилась, окаянная. А ты, Машка, – обращаясь к средней дочери, которая почему-то закрывала лицо руками, – и не вздумай о ней плакать. Вот я её!

– Да почто ты, Мария Михайловна, бранишься? Ведь кошка-то тоже не со зла! Так ведь, Машенька? – подмигивая дочери, проговорил Григорий. – Ей ведь тоже есть охота. Другие и молочка кошечкам наливают, и со стола дают.

– Мышей вон пусть ловит! Молока самим нет.

– Нельзя так, Мария Михайловна, – укоризненно сказал Григорий, поднимаясь из-за стола, – она существо живое, нельзя с ней так. Пойдём, дочка, к дереву, где бедняжка сидит. Приманим её, накормим. Это пустое, что мы бедные. Пойдём, доченька.

Жена Григория тяжело вздохнула и закрыла лицо руками.

– Господи, ну зачем ты послал этому дураку сердце доброе! Самим есть нечего, а ещё и кошку эту кормить. А она, зараза, ещё и курей таскать повадилась!

Но долго сидеть и плакать Мария Михайловна не могла, так как пришлось встать на защиту каши, которую Григорий и дочь Маша стали накладывать в кошачью миску.

– Вы что творите? Да за такое вас Господь накажет! Знаете, сколько на Руси нищих, которые по три дня и кусочка хлебушка в рот не клали?! А вы кошке кашу кладёте, да ещё и с курятиной! Не дам! Не сметь!

Григорий с дочерьми оставили попытку заполучить каши и пошли к дереву, где сидела кошка, с пустыми руками.

– Мурка, ксс, ксс, ксс. – жалобно звала Маша, – спускайся! Матушка тебя больше не обидит!

– Иди сюда, голубушка! Мы тебе, когда разбогатеем, начнём молочко давать, – пропищала самая младшая дочь Екатерина, которой было почти девять лет, – что ты нам не веришь?

– Ладно, доченьки, придётся мне за ней слазить. Сейчас кафтан сниму и слажу на дерево. Кошки, они ведь такие – залезть залезли, а как спуститься, не ведают.

Григорий снял кафтан и полез за кошкой. Давненько он по деревьям не лазил! Но ничего – вспомню молодость. Мурка вцепилась в его руку, больно оцарапав.

– Бросай её, батюшка! Мы ловим.

– Нельзя так с животиной. А ну как не поймаете и она расшибётся?

– Она ведь тебя со страху всего расцарапает!

– Ничего, потерплю!

Глава 2

Пролетело несколько месяцев. Жаркая летняя погода сменилась ненастьем, а после выпал снег. Григорий Лукьянович Скуратов продолжал служить помощником заплочных дел мастера Алексея Зверюги. Казнить врагов государевых и их приспешников было делом нехитрым, зато довольно прибыльным. Конечно, назвать семью Григория Лукьяновича зажиточной было трудно, но хотя бы на столе всегда была каша, а по праздничным дням даже с мясом. Супруга Григория Лукьяновича, пусть и каждый раз причитая, позволяла дочерям наполнять глиняную мисочку кошке Мурке.

В один воскресный день после богослужения Григорий Лукьянович вместе с дочерьми отправился на торговые ряды. Было холодно, но морозец только радовал Григория. Вот, пусть все смотрят, что они с дочками идут в шубках. И пусть шуба у него на плечах не медвежья и на дочерях не лисьи, но всё же весьма достойные, не хуже, чем у других.

Возле торговых рядов расположились весельники и скоморохи. Они привели медведя и вместе с ним потешали народ.

– Ну, Потап Топольгин, – со смехом обратился к медведю разряженный в девицу скоморох, – давай со мной в пляс пустимся! Только смотри не возжелай меня, как протопоп власти, а не то я потом как народу в глаза смотреть буду, если в подоле не то медвежат, не то людей принесу? Скажут, с Курбским согрешила!

Григорий усмехнулся, услышав слова скомороха, и тут же, насупившись, обратился к дочкам:

– Вот бесстыдники, о таком средь бела дня кричат! Пойдёмте, дочки, рогалики горячие купим. Свои здесь на морозце скушаем, а один матушке принесём.

Григорий знал, что скоморохам приплачивали, чтобы те как бы к слову бесчестили и изменника князя Курбского, и опального протопопа Сильвестра. Люди усмехались, слыша шуточки скоморохов, кто-то хохотал, а кто-то, отворачиваясь, плевал в сторону.

– Чего вы морды воротите, – кричал скоморох, пляшущий с медведем, – да вокруг да около ходите? Кому совесть дорога, пусть намнёт мои бока!

Скоморох быстро поклонился людям, при этом задрал подол юбки. Отчего-то это всем понравилось и народ стал смеяться.

– Батюшка, ну куда мы уходим? Я Мишу Топольгина посмотреть хочу, – запищала Катька, самая младшая дочь Григория.

– Да куда мы пойдём смотреть, – возразила ей старшая, – все вон стоят и слушают, для нас там места нет. Не пустят нас в первых рядах всё увидеть.

– Ну батюшка, ну давай медведя посмотрим! Ну хоть издали, а то живём вот затворниками – ни свету белого не видим, ни тварей божьих. Ну когда мы ещё Топольгина увидим?

– Ладно, – согласился наконец Григорий, – только вы всё их похабство мимо ушей пропускайте. Им за такое после смерти геенна огненная уготована.

Григорий, подбоченившись, вместе с дочерьми стал проталкиваться в первый ряд.

– Куда ты лезешь? – прикрикнул на него какой-то мужик. – Чего толкаешься, будто тебе больше всех надо?

– Молю тя, дай мне пройти! Страх как медведя дочкам показать хочу. Молю тя!

– Раз лезет, значит, надо. А ну пшёл с дороги, а то сейчас как в зубы дам! – вступился кто-то за Григория. – Посмотрел – иди чарку опрокинь, дай другим тоже увидеть. А то так и будешь стоять да до вечера зреть. Всем надобно.

Дочери Григория с испугом поглядывали на людей, которых распихивал их отец, и, крепко держа друг друга за руки, лезли вперёд. Оказавшись в первых рядах, они с замиранием сердца стали смотреть на медведя, которому скоморохи уже нахлобучили на голову шапку.

– Батюшка, такой вот он, оказывается, Миша, – проговорила Катя, – а я думала, что он побольше будет.

– Так это медвежонок, глупая, – ответила за отца Мария, – а вырастет – станет большим и уже плясать не захочет.

– И что же тогда с ним будет?

– Чего-чего – шубу из него боярину сделают, а мясо подадут к нему на стол.

– Ой, как Мишку жалко! В чём его вина будет? Что он в возраст вошёл? Бедняжка! Эй, Скоморох Скоморохович, – не зная, как обратиться к весельнику, позвала Катя, – позволь мне медвежонка погладить, пожалеть его, голубчика!

Сложно сказать, как среди стоящего гама, весёлых криков и смеха скоморох расслышал голос дочери Григория. Он тотчас подбежал к ней и, дурачась, подставил ухо.

– А ну повтори? Тополыгина пожалеть хочешь? Погладить по меху пушистому да по морде слюнявой?

– Да, дядька Скоморох Скоморохович. Он ведь учёный?

– Ха! Честной народ, – тыкая пальцем в Катю и давясь смехом, крикнул скоморох, – да как это Тополыгин учёным может быть? Он у меня ни грамоты не знает, ни петь не обучен. Медведь у меня воспитанный, а не учёный – учёными коты да псы бывают. А ну-ка, Миша Тополыгович, хочешь, чтобы тебя пожалели? Ну давай, девочка, выходи. Сейчас тебя Тополыгин на хребте своим прокатит!

Григорий насупился и с опаской посмотрел на медведя. Хоть морда у зверя и связана, хоть и не взрослый он, а всё равно рода он не людского.

– Да полно ты, боярин, пугаешься за дочку, – сказал скоморох, – не медведя бояться надо, а людей. Сейчас такой народ пошёл, что хуже зверя дикого и лютого, а мой Тополыгин чуть ли не грудным молоком вскормлен. Я вон своей сиськой его выкармливал.

Народ принялся смеяться. Григорий, польщённый тем, что его назвали боярином, видимо, заметив, что шуба на нём красивая, в пол, чинно кивнул и полез в карман достать оттуда монетку, дабы отблагодарить весельников за потеху.

Катя подошла к медведю и погладила его, а скоморох посадил её на спину зверю и дал некоторое время посидеть так. Девочка гладила медведя, приговаривая:

– Какой же ты бедняжка! Вот вырастешь – и смерти тебя изверги предадут! Бедный ты у меня, бедный!

Тут народ стал расступаться, так как к весельникам подъехали несколько всадников.

– Вы чего в воскресный день тут устроили! Вы чего творите, псы окаянные? Всё вам потеха да беззаконие. Люд православный на греховные дела подбиваете. Вот я вам!

Кричавший всадник взмахнул кнутом и что было силы секанул им скомороха. Тот тотчас повалился на землю.

– Не вам, псы блудливые, князя Курбского и протопопа Сильвестра позорить! – продолжал кричать всадник, вновь взмахивая кнутом. На сей раз удар пришёлся по медведю и всаднице. Катя слетела с Тополыгина, который в испуге бросился наутёк.

– Господи помилуй! – вскрикнул Григорий и побежал к дочери. Он еле успел выдернуть её из-под ног коня, пустившегося в галоп.

– Чего вы все смотрите исподлобья? Пошли прочь! Знайте, люди, есть ещё честные и горячие сердцем. Не дадим мы позорить имена князей, роды свои от самих Рюрика и Гедимина ведущих, да над добрыми людьми, в сан священный возведённый, глумиться! Вот вам кнутом за потеху!

Народ с криками бросился бежать в разные стороны. Григорий, подхватив Катю на руки и обернувшись, увидел, что Ксюша, его старшая дочь, поднимается и отряхивает снег. Видно, кто-то толкнул её и она упала. Где находилась средняя его дочь, он не знал.

– А ты чего скалишься, – обращаясь к Григорию, проговорил всадник с кнутом, – а ну пошёл прочь отсюда, пока я вас обоих кнутом не приласкал! Будете знать, холопы, как над именитыми людьми потешаться!

– Молю тя, пощади! Не гони – я дочерей растерял. Как без них уйду? – закричал Григорий, смотря на замахающегося кнутом всадника.

– Значит, попотчую! Вот тебе! Будешь знать, как своими погаными ушами хулу на людей благочестивых слушать!

Раздался свист кнута. Григорий еле успел закрыть собой дочку. Кнут щёлкнул по спине. Поскольку на Скуратове была шуба, то боли он не почувствовал, но кончик хлыста рассёк ему лицо.

– Тополыгин взбесился! – раздался чей-то крик, и Григорий увидел, как медвежонок бросается на какую-то женщину, которая возвращалась с торга. Женщина попробовала отмахнуться от медвежонка корзинкой, но, видно, это только разозлило испуганного зверя. Рядом с женщиной Григорий увидел свою дочь Марию, которую уже думал, что потерял.

Скуратов быстро поднялся на ноги и, подбежав к всаднику, вырвал у него заткнутый за пояс пистоль. Не раздумывая ни секунды, Григорий прицелился и выстрелил в медведя, заставив того повалиться на землю.

– Холоп! Мерзкий холоп! – закричал боярин, который до этого с коня смотрел на то, как медвежонок гоняет толпу, а два скomorоха пытаются поймать его. – Да как ты посмел меня своими грязными руками трогать! Да как ты ещё посмел пистоль мой заморский схватить!

– Вот тебе, окаянный пёс! На! – и всадник замахнулся кнутом.

В царских палатах было прохладно, несмотря на то, что печи топили почти целый день. Царь Иван Васильевич трапезничал и внимательно слушал своего ближника Вяземского, который рассказывал ему о том, что произошло в Москве.

– А ещё князя Ростовские скomorохов погнали. Говорят, кнутом народ секли да конями давили.

– Это за что же? – ставя кубок на стол, поинтересовался самодержец.

– За что, за что – за то, что Курбского и Сильвестра протопопа скomorохи бесчестили, а людей секли за то, что те слушали.

– Уже и скomorохи о предателе Курбском говорят! Вот ему, предателю, небось, досадно, что вся Русь над ним потешается. Наверно, прославляют его службу королю Жигимонтке! Будет знать, Иуда! Зря князя Ростовские пытаются гнать народ – лишь злобу людскую стяжают.

Князь Афанасий Вяземский улыбнулся. Он-то прекрасно понимал, что не просто так весельники бесчестят Курбского и протопопа Сильвестра, а за серебро, которое сам государь и поручил им давать.

– Царь-батюшка, так не просто ведь погнали – из пистоля стреляли. Медведя Потапа Тополыгина сгубили.

– Как? – возмутился царь. – Вот ведь дьяволы – всё у меня хотят отнять. Супругу мою любимую Анастасию из зависти извели, воюют с врагами моими так, что совестно должно быть. Стонет народ мой православный, а они от этого только мошну свою набивают. А теперь ещё и любимого моего потешника пристрелили. Вот я заведу своего Тополыгина, будет он поистине грозным! Найди мне, Афоня, медвежонок, а тот, кто Тополыгина убил, пусть жизнью своей заплатит. Срублю ему голову, пожалуй.

– Так тут такая потеха, царь-батюшка. Пристрелил его помощник заплечных дел мастера, какой-то Скуратов-Бельский. Имя, прости, запомятовал. В общем, он не с князьями Ростовскими был, а смотрел, как скomorохи потешали народ. Князья на них напали и кнутами погнали: князя Ростовские ведь в родстве с Курбскими. Тополыгин, твой любимец, испу-

гался и стал на людей бросаться. Вот этот вот Скуратов вырвал у одного из князей Ростовских пистоль и пристрелил зверюгу, а они его так отмордовали, что тот уже третий день с постели не поднимается.

Царь Иван Васильевич тяжело вздохнул и потушил в себе гнев. Сначала ему хотелось снять живьем кожу с того, кто пристрелил его любимого медведя, но сейчас ему почему-то захотелось проявить милость к человеку, который не побоялся пойти против князя.

– Говоришь, у князя пистоль вырвал? – усмехнувшись, спросил царь Иван. – Смелый этот Скуратов. Чей он холоп?

– Не холоп он, царь-батюшка, а дворянин, только бедный. Да и земли у него нет. Чай, не старший сын, а так... Пятый или шестой.

– Приведи ко мне этого Скуратова. Потолковать с ним хочу, Афоня. Не надо ему голову рубить. Вот кабы весь наш народ был таким же храбрым, как этот Скуратов, то, быть может, всё иначе было бы. А то как получается? Здесь, в Москве, за меня стоят люди, а по Руси как были князья полновластными хозяевами, так ими и остались, только головы свои преклонили. А ведь, Афоня, они спят и видят, как бы обратно всё по кусочкам растащить. Отец мой, дед Иван Великий, прадед, – все по круплицам Русь собирали, по сёлам, по деревенькам, а эти сейчас опять хотят на куски её разорвать. Всё-то им не мило. А дурни их слушают. Да что слушают – головы и животы свои пустые класть готовы. Бегут в Литву, к изменникам и ворами.

Иван тяжело дышал, так как когда он начинал говорить о внутренних делах своего государства, его захлёстывала злоба.

– Не знает народ наш глупый, что животы у них пусты вовсе не потому, что земля у нас худая, а потому, что проклятые Иуды жируют, во всём со мной хотят сравниться. Только я помазанник Божий, а они все холопы. Нет между холопами разницы. Настанет день – и я их всех сравню. Коли служишь верно – вот тебе и земля, и слава, и место за моим столом, а коли крамольник али дурак от рождения, то шёл бы ты вон. И ни заслуги предков, ни родство не должны такого человека у власти держать.

– Ты уж прости меня, царь-батюшка, – неуверенно спросил князь Афанасий Вяземский, – а коли твой сын будет крамольником или дурнем? Разве против него пойдёшь? Разве прогонишь его? Вот и они так же мыслят. Все друг за дружку держатся.

– Коли у меня сын будет неугодный и недостойный, то я его своими руками, вот этим вот посохом прибью. Я сделаю нашу страну самой могучей. Одного слова «Русь» будут страшиться, если мне всякие изменники руки путать не будут. Они здесь народ смущают, там дурят лживыми посулами. Ну как любой из уделов, скажем, Ярославль, которым намеревается править вор Курбский Андрюшка, без Москвы будет? Что это будет за княжество? Все хотят, как в прошлые годы, растерзать Русь. Лишь бы самим, нерадивым и ленивым, сытыми остаться. Говорю тебе, Афоня, я ни сына, ни жены, никого не пожалею. Неспроста я Господом помазан был на царствование. Я ведь поставлен, чтобы защитить народ православный от губителей. Не за каждого в отдельности стоять я должен, а за всех.

Князь Вяземский вновь наполнил кубок Ивана вином, но тот пить его не стал, а отодвинул.

– Ты зачем мне вина подливаешь? Я уже один кубок выпил. Неумеренность, Афоня, – это страшный грех. Мне трезвый ум нужен.

– Так вчера же ругался, что я тебе вина вовремя не налил.

– То вчера было. Правильно, что не налил. За это тебя и ценю, что ты послушен мне. Ты льстить мне не начинай и слабостям моим не потакай. Сказал – не наливать мне больше одного, значит, не нужно наливать.

Домой Григория Лукьяновича Скуратова принесли несколько сердобольных мужиков, которым указывали дорогу дочери. Два дня Григорий лежал на постели, боясь пошевелиться, так как всё тело у него ныло и болело.

На дворе залаял соседский пёс, и супруга Григория Мария подбежала к окну. Отпрыгнув от него, она с нескрываемым испугом подбежала к мужу.

– Родненький, ты встать сможешь? Нужно тебе в подполе схорониться. Слышишь, собака соседская лает? Это за тобой люди государевы идут. К нам в дом идут, а значит, не сносить тебе головы. Давай, Григорий, обопрись на меня и пойдём!

– Нет, – сказал Григорий Лукьянович, – от государя никуда не спрятаться, вот я и не стану. Помогите мне сесть – негоже в постели лежать, раз гости пожаловали. Слышишь, уже в дверь стучат? Молю ты, открой им дверь, не томи!

– Родненький, на кого же ты нас оставишь? Как мы жить-то станем? Давай уедем из Москвы, найдём себе место – Россия большая, везде люди живут.

Григорий с трудом сел на постель и, прокашлявшись, проговорил:

– Ну чего, Мария Михайловна, иди дверь открой. Пусть входят.

В дом вошли трое молодцев. Увидев Григория с распухшим лицом, сидящего на постели, они усмехнулись.

– Что-то долго вы дверь отпирали. Мы уж подумали, что в подпол прячетесь. Хотели, небось, схорониться там, – сказал один из государевых людей, подходя к Скуратову, – было такое?

– Нет, – твёрдо ответил Григорий, – ты меня пугать хочешь? Не получится – пуганный я уже.

– Ну, раз пуганный, то и впрямь смысла нет. Чего сидишь, как девка на смотринах? Вставай, напяливай сапожки, да к государю пойдём.

Мария принесла супругу сапоги, и тот с большим трудом принялся их натягивать, пока супруга поспешно собирала что-то в мешок.

– Да чего ты хлопочешь, глупая баба? – лениво проговорил незванный гость. – Лучше бы дров вон в печку подбросила, холодно тут у вас. Топить нужно получше – я вон с мороза, а согреться не могу. Вот куда ты ему мешок собираешь? Думаешь, что уже всё – под замок посадят?

Григорий встал с постели и, стараясь уверенно стоять на ногах, попробовал изобразить на лице улыбку.

– Ну чего, минуту дадите с семьёй проститься? Вы тут без меня не скучайте, – обратился Скуратов к родным, – я ненадолго. А уж коли судьба у меня грустная, то молю ты, Мария Михайловна, ты к сестре двоюродной своей езжай. Собакины – люди достойные. Даст Господь, не пропадёшь.

Григорий обнял жену и потрепал по голове каждую из дочек. Стиснув зубы, чтобы не завывать, он поплёлся за людьми государевыми.

– Да не печалься ты, недалеко идти. Вон у самого двора твоего сани – не пешком шагать. Может быть, ещё и воротиться.

– Может быть. Молю ты, дай хоть минутку постоять да на дом поглядеть. Меня с порога вся семья моя провожает. Позволь проститься!

Скуратов повернулся и принялся махать рукой выбежавшим на порог дочкам и жене.

– Печь протопите, а то ведь и впрямь холодно, – закашлявшись, крикнул Григорий, – а я, дай Господь, к вечеру ворочусь.

Четвёрка лошадей, запряжённая в сани, галопом понеслась в сторону Кремля. Григорий подумал, что он должен сейчас, наверное, бояться, а ему как-то всё было безразлично. Видно, за то, что он у всадника того пистоль из рук вырвал да медведя воспитанного убил, срубят ему голову. То-то скоморох потом кричал, что этот медведь самому царю люб.

– Чего ты приуныл? Боишься царя-батюшки?

– Да никого я не боюсь, – ответил Григорий, смотря прямо в глаза человеку государя, – я царю-батюшке верен. Зачем мне его бояться? А ты боишься?

– Что-то не похож ты на бесстрашного мужа. Вон, жена твоя уже, поди, похоронила тебя. А чего у тебя в мешке?

– Подарки государю. Нехорошо в гости без подарков ехать. Молю тя, дай мне в тишине посидеть. Коли срубят мне голову, то надо хоть перед смертью всю жизнь вспомнить!

– Да чего тебе вспоминать-то? Жил собакой и помрёшь так же.

– Не собакой, а псом. Я пёс государев. Я всегда ему был верен и сейчас верен. Каждый пёс своему хозяину верен. Мой хозяин – государь.

– Ладно, сиди молча, пёс. Сладко говоришь, государь заслушается.

Нет, знаешь, про себя подумал Григорий Лукьянович, нужно государя мне хулить! Кто знает – может, ему моя верность приглянется. Одна у меня надежда – на его милосердие. Некому за меня вступиться, да если и было бы кому, не помогло бы ничего. Государь своих врагов коли решил умертвить – умертвит, ничего не поможет. Что греха таить – для царя я всё равно что пёс. Захочет – приласкает, а захочет – пнёт или сгубит, на это уж его державная воля. За что псов ласкают? За то, что те лаем оповещают о татях. Вот и я государю всю правду, что мне перед смертью Шибанов поведал, расскажу. Кто знает – может, этим себе жизнь сохраню.

Когда четвёрка остановилась, Григорий прыгнул с саней первым и, опустившись на колени, взял в руку снежок и отправил его в рот.

– Мешок свой возьми, болезный!

Григорий взял с саней небольшой мешок, который успела собрать ему супруга, и, тяжело вздыхая, проговорил, указывая в сторону подвала:

– Вон там моё место. Врагов государевых изводить.

– А я, точно, вспомнил, что видел тебя! А ты ведь Алексея Зверюги помощник! Вспомнил. Ладно, кат, иди.

– Я не кат! Я не палач – я заплочных дел мастер. Отец мой, Лукьян, был мастером, и я, Бог даст, стану. Кат головы рубит, а я особое умение имею. Такое из поколения в поколение передаётся.

С самого утра государь был грустен. Выйдя поутру из покоев своей супруги царицы Марии Темрюковны, царь позвал к себе обоих своих сыновей – Ивана и Фёдора, и принялся их наставлять:

– Матушка ваша, покойная царица Анастасия, сейчас на небе за нас с вами святых заступников просит. Ты, Иван, старший мой сын, уже скоро зрелым мужем станешь. Десятый год тебе. Я в твоём возрасте знаешь как сильно страдал от бояр? Они Русь, моим отцом, дедом и прадедом собранную, рвали, аки псы рвут на куски зайца. Да не дал им Господь силушки погубить России. Иной у него промысел был. Ты, Иван, после меня сядешь государем: смотри, всех лизоблюдов гони от себя. Не народ они, не стадо, которое тебе Господь пасти вверил, а волки, что дерут его. Всех гони!

Царь Иван приобнял царевичей и поцеловал каждого в лоб, а после опустился на колени перед иконами. Оба его сына последовали примеру отца.

– Господи, – осеняя себя крестным знамением, проговорил Иван, – даруй мне силу сохранить Русь Православную. Венчан я на царствие, а чувствую, что не могу уже нести бремя это тяжёлое. Не могу и не хочу. Забери меня к себе и даруй мне жизнь вечную рядом с голубой моей Анастасией Романовной! Нет больше сил.

В покои, где находился царь с сыновьями, вошёл князь Афанасий Вяземский. Увидев царя и царевичей на коленях перед иконами, он тут же перекрестился.

Царь Иван повернулся на шаги и, увидев опускающегося на колени князя Вяземского, спросил:

– Чего ты, Афоня, пожаловал?

– Там Скуратова, того, что медведя Потапа Тополыгича пристрелил, привезли. Сразу ему голову отсечь или поговоришь с ним?

Царь и забыл про то, что приказал привезти к нему Скуратова.

– Чего ты сразу – отсечь голову! Раз сказал, что поговорить хочу, значит, веди его ко мне. Видите, сыны, даже матушку вашу помянуть времени нет.

– Просто ты не хочешь, – обиженно проговорил царевич Иван, – у тебя ведь теперь другая жена!

– Нет, не поэтому, – вскрикнул царь Иван, заставив обоих сыновей вздрогнуть, – а потому что на моих плечах всё царство Русское. Перед Богом я в ответе за каждого. Вон видите, какие у меня советники? Им всё головы рубить. Веди, Афоня, Скуратова, а вы, царевичи, идите грамоту учить. После помолимся!

Царь Иван понимал, что если он сейчас не уймёт свой гнев, то потом его уже никто не остановит. И будет он слезами обливаться, но ведь сделанного не воротишь.

– Идите, царевичи, – примирительно проговорил Иван.

Когда в покои ввели Григория Скуратова, царь поморщился. Он ожидал увидеть крепкого молодца, а этот еле переступал с ноги на ногу.

Григорий, едва увидел царя, повалился на землю и пополз к его ногам.

– Встань! Не люблю я, когда у меня в ногах ползают. Ты скажи мне – почто медведя моего любимого убил?

– Так он на людей бросался, царь! Казни меня, пса своего верного, раз опечалил тебя. За радость мне умереть будет. Да только послушай – я знаю то, чего не ведаешь ты.

– Чего это ты знаешь?

– А имена тех, кто против тебя крамолу измышляет. Я заплечных дел мастера помощник. Я пытал гонца, которого к тебе изменник Курбский прислал. Он мне поведал имена твоих врагов. Раз уж казнишь меня, то хоть как-то позволь мне послужить тебе. Перед смертью говорю, а посему не страшно.

– Имена мне их назови, – сказал царь Иван, – и скажи, почему раньше молчал?

– Да я бы и рад сказать, да Алексей Зверюга, заплечных дел мастер, видно, от предателя серебро получает, либо в деле своём неумел. Не умеет он пытать врагов твоих и тайны выпытывать. Я вот от Шибанова за несколько минут всю правду узнал. Враги твои из зависти отравили царицу Анастасию и теперь тебя хотят извести. Ждут, как успех ратный тебе изменит, и сразу на сторону короля Жигимонта сбегут. Имена им – Горбатые-Шуйские Александр и Пётр.

– И отец, и сын? – насупив брови, спросил царь. – Я их давно в крамоле подозревал. Враги мои они – выдумали сказ, будто бы Шуйские от Андрея Александровича, сына Александра Невского, род свой ведут, и посему вперёд нас – тех, кто от Даниила Московского, должны быть. Напридумывали лживые грамоты. Все знают, что род их от колена Андрея Ярославича, но нет – всё хотят власти, окаянные. Хотят всё на куски порвать. Верю, что их рука причастна к смерти моей голубушки Анастасии! Ещё враги мои кто?

– Поскольку за тебя жизнь отдаю и по твоей воле, то всех назову. Молю тя, государь, – покарай их земли русской ради. Дмитрий Шевырев, Пётр Горенский, окольный Головин, грек Ховрин, Иван Сухой-Кашин! Все они враги тебе. Это мне под пытками Шибанов Василий сказал и подтвердил, да Алексей Зверюга его порешил. Видно, не хотел он, чтобы ты об этом сведал. Да и мучил он его неумело. Кнутом сёк так, что и кожу не порвал. Только лицом он страшен врагам твоим, государь, а больше ничем.

– Как твоё имя?

– Гришка я, царь-батюшка. Пёс твой Гришка.

– Пёс, говоришь?

– Пёс, государь, потому что верен только тебе.

– Только мне?

– Тебе, государь.

Царь Иван смотрел на этого избитого человека и никак не мог понять, кто он. На льстеца он похож не был, но сам себя называет псом, будто милости просит.

– За то, что ты народ спас от медведя, я тебя не карать буду, а награжу. Дам я тебе десять рублей серебром. Скажи мне, Гришка, а коли тебе серебро кто другой даст, возьмёшь?

– Хороший пёс, государь, только с руки хозяина ест. Так мне отец мой говорил. Он заплечных дел мастер и я.

– Я не знал твоего отца, – сказал царь Иван Васильевич и усмехнулся, – крестись, Григорий, и клянись, что лишь мне будешь верен. Перед иконами клянись.

Григорий перекрестился и проговорил:

– Только тебе, государь, буду верен и только из твоих рук возьму корм. Господь мне свидетель – я пёс твой.

– Иди домой, пёс, – рассмеялся царь, – как только твои клыки заживут, будешь рвать моих врагов. Ты теперь мой заплечных дел мастер. Убег куда-то собака Алексей Зверюга. Может, и впрямь в сговоре с Курбским.

Григорий не верил, что всё это произошло с ним. Час назад он уже простился с жизнью, а теперь возвращался от царя, неся за пазухой столько, сколько он зарабатывал за три года. Целое состояние ему пожаловал царь-батюшка. На такие деньги можно и дом подладить, и всем нарядиться, да что там нарядиться – зажить по-новому. Конечно, не как князь или боярин, но достойно, не хуже, чем другие.

Глава 3

На дворе мела метель. Холодный ветер пронимал до самых костей, заставляя дрожать всех и каждого. Василий Собакин приехал в Москву из Коломны. Ему крайне хотелось пристроить своего племянника Калиста ко двору государя. Василий понимал, что надеяться на то, что его племянник, который был ему за сына, сможет найти хорошее место при дворе государя, бессмысленно, но всё же жить в Москве-то куда лучше, чем всю жизнь тухнуть в Коломне. В Москве Василий решил ненадолго остановиться у своей двоюродной сестры Марии Скуратовой.

В доме Скуратовых родственника приняли тепло. Дали согреться у печи, попотчевали томлёным вином.

– Смотрю, вы тут неплохо в Москве поживаете, – утирая губы, проговорил Василий Собакин, – только изба ваша тесновата.

– Не наша это изба, – возразил Григорий Скуратов.

– Ты, Григорий Лукьянович, ещё чарку томлёного винишка, того, что я привёз, опрокинь, да я вместе с тобой опрокину.

Мария Скуратова неодобрительно посмотрела на супруга и двоюродного брата, но говорить ничего не стала. Мария знала, что Василий Собакин с молодых лет пристрастен к томлёному вину и пить его может без меры, а как упьётся, то иногда такое говорит, что и слушать страшно: крамольные слова и о государе, и митрополите Афанасии. Григорий наполнил чарки себе и гостю и, поднявшись со своего места, проговорил:

– Ну, Василь Степанович, за государя, царя-батюшку. Многая ему лета!

– Многая лета, – повторил Собакин и опустошил чарку, а после, зажмурившись, изобразил на лице гримасу, – совсем не в то горло полилось, а всё из-за того, что за дурака и кровопивца пью. Вот ты, Григорий, заплечных дел мастер, скажи – ну разве хорош наш государь?

Собакин посмотрел на Григория пьяным взором и, с трудом удерживаясь, чтобы не упасть со своего места, стукнул кулаком по столу.

– Гниль, а не царь! Гниль!

Григорий немного нахмурился, а потом схватил за грудки родственника и притянул к себе.

– А ну рот свой поганый закрой, а не то я тебе язык вырву, поджарю и заставлю съесть. Молю ты, закрой свой рот. Здесь Москва, а не Коломна. У нас за такие речи не просто наказывают – всех жизни лишают.

– Да я ведь на торгу такое слышал! И похлеще сказывали...

– То изменника Курбского люди.

– А ещё говорят, что царь из Москвы уехал и всё... Пропал.

– Уехал – значит, надо было, не твоё и не моё дело.

– Да всё, говорят, навсегда уехал. Новый теперь царь на Руси будет. Владимир Старицкий царём станет, – проговорил довольный собой Василий, а после, рыгнув и чуть не скатившись под стол, добавил, – не царём, а князем великим, как и должно быть. Конец царствию неправдивому!

– Дурак ты, Собакин, – после некоторого молчания проговорил Григорий, – сам в Москву приехал, хочешь племяннику место при государе найти, а царя бесчестишь. Хороший пёс руку, которая его кормит, укусить не смеет.

– А коли он возьмёт племянника моего к себе на службу, так зачем мне его бесчестить? Стану восхвалять! Да только моему племяннику служба нужна настоящая, а не такая, как у тебя. Калистушке языки вырывать да прочими бесчестиями заниматься не с руки. Он не ты!

Василий налил себе ещё одну чарку и одним махом опустошил её. Затем он попробовал дотянуться до кусочка сала, тонко порезанного и выставленного на столе рядом с солёными огурцами, но не смог и повалился на стол, уткнувшись рожей в свою миску.

– Свинья, – сказал Григорий, ставя чарку на стол, – смотри, Мария, язык твоего братца двоюродного как бы нас до беды не довёл.

– Да завтра он уже уедет. Он здесь с благодетелем своим, князем Горбатым-Шуйским, переговорит и домой воротится. Не брани ты его. Бес пьянства обуревают его, и он во хмелю всякие гадости говорит, чтобы острогу ума показать. Потом сам жалеть станет. А что, правду он сказал, что царь Иван Васильевич оставил Москву?

– Благодетель твоего брата – государев враг.

– Не его в том вина. Сам понимаешь – все мы люди подневольные. Отцу Василия за службу государь земли пожаловал. С ней самому бы прокормиться, а надо ещё справу покупать. Так где, думаешь, государь?

– На богомолье царь поехал. Нечего бояться. Воротится, а что говорят, то пустое.

– А я вот тоже слышала, когда на торг ходила, что царь навсегда Москву оставил. Надлюмился, говорят, хребет его. Кто, думаешь, теперь царём-то будет? Брат его двоюродный Владимир, али кто иной?

– И ты туда же, – тяжело вздохнул Григорий, – молю ты, не говори никому такого. Один на Руси царь, и имя ему Иван Васильевич. Он наш государь, и иного у нас не будет.

– Да что я такого сказала, – обиделась Мария и принялась убирать со стола. – Куда Василия Степановича спать положим?

– Я бы его на холод вынес да там и оставил бы. Пусть за свои речи помёрзнет.

– Сердце твоё заостенело, Григорий. Он мне родня, кровушка у нас с ним одна.

Вместе со своими ближниками, царицей и сыновьями Иван Васильевич, побывав перед этим в нескольких монастырях, приехал в Александровскую слободу, которая раньше принадлежала его матери.

Здесь, в тереме своего отца, покойного великого князя Василия III, и остановился царь. Терем долгое время находился в запустении, и посему в нём было очень неудобно.

– Всё, Афоня, – тяжело вздыхая, проговорил Иван, обращаясь к князю Вяземскому, – здесь я и буду править. Не нужна мне больше Москва. Пусть злыдни-бояре всё растащат и вместе с моим добром к Жигимонту на поклон бегут. Все вокруг одни изменники, понимаешь меня, Афоня? Вот кто сейчас здесь со мной, те и есть самые верные мои друзья. С вами тут и останусь.

Царь постоянно твердил одно и то же. Видно, поэтому князь Вяземский ничего отвечать не стал, а только поклонился царю и вышел. Иван Васильевич тотчас изменился в лице. На людях царь говорил голосом страдальца, часто вытирал слёзы с глаз, а оставаясь один, он вовсе не казался слабым и убитым горем. Иван Васильевич подошёл к столу и принялся быстро писать грамоту, в которой рассказывал о том, как в дни его малолетства окаянные бояре грабили Русь. Иван подробно описал и то, как неумело воевали с литовцами и с крымскими татарами его ближники.

Царь обращался к митрополиту, коря того за то, что старец всегда вступался за бояр, которые есть враги Отечеству.

– Афоня, – крикнул царь, отложив грамоту, – позови ко мне Лешку Басманова, пусть придёт! Поговорить с ним хочу. А пока его нет, ко мне никого не пускай – ни царицу, ни сыновей. Я хочу помолиться.

Алексей Басманов был уже не молод и прославился своими ратными подвигами. Он смело сражался с ливонцами, брал штурмом Нарву, а когда крымский хан двинулся на Москву,

то вместе с сыном Фёдором заперся в Рязани, храбро отбиваясь от татар. Среди ближников царя он был одним из самых старших.

– Ну, Алексей Данилович, – усмехнулся царь, – что думаешь – скоро на Москве нового царя выберут?

– Да нет, царь-батюшка, – зевая, проговорил Басманов, который до этого со всех ног бежал по холоду, чтобы поскорее предстать перед государем, – бояре, может, и выбрали бы, да не дураки они. Народа побаиваются. Уж больно хорошо при тебе простым людишкам живётся. Люди тебя любят, а бояре ненавидят.

– Значит, думаешь, придут звать обратно на правление? Ты сам как думаешь – вернуться мне или нет? Может, остаться жить тут? Тяжко мне от бремени государя!

– Ты, царь-батюшка, меня, человека в летах, не проведёшь. Это вон всякие молодые видят, что ты слезами обливаешься да дух твой сломался, а я-то вижу, что ты измыслил. Хочешь, чтобы бояре либо власть захватили и за то простым людом наказаны были, либо смиренно к тебе на коленях приползли.

Иван Васильевич подошёл к столу и взял грамоту. Государь быстро пробежался по ней глазами и протянул Басманову.

– Вот, здесь я всё изложил. Пошлешь в Москву верных людей – пусть боярам прочтут и простому люду. Не могу я править, если врагов своих и государевых не могу наказывать. И это, когда в Москве мои люди будут, то человека одного сыскать нужно.

– Кого? – прищурившись, спросил Алексей Басманов.

– Гришку Скуратова. Может, помнишь такого? Медведя, который мне полюбился, пристрелил из пистоля.

– Думаешь, всё же наказать?

– Да нет, хочу, чтобы он сюда ко мне пожаловал. Мне заплечных дел мастер нужен, а когда я с ним говорил, то какую-то собачью его преданность почувствовал. Он вроде и не глупый, а дурак, вроде и не знатен, а словно камень. Станный он человек – хочу к нему присмотреться.

– Приведу к тебе сюда его, – кивнул Алексей и, зевнув, добавил, – что, государь, будем сегодня потешаться?

– Не до потех сейчас, Алексей. Ты хоть и умный муж, но про тебя такое говорят, что даже мне совестно становится.

– А я сильно и не скрываю, что грешен. Пью вино как воду, красоту люблю, а оттого до девок охоч. Настанет время – перед тобой ответ дам, а коли ты не спросишь – перед Господам. А кому-нибудь другому отвечать не стану и не боюсь их молвы. Завидуют они мне.

– Дай грамоту сюда, – сказал Иван, забирая свиток из рук Алексея, – мысль мне в голову одна пришла, хочу дописать.

Иван подошёл к столу и принялся писать дальше. Закончив и как бы любуясь своей работой, он прочитал:

– Вследствие чего мы оставили государство и поехали, куда нам Бог укажет. Ты смотри, Алексей Данилович, коли будут вопрошать, где царь-батюшка, пусть твои люди как бы проговорятся и скажут, что я в Александровской слободе поселиться решил. За сто вёрст от заговоров их сбежал. К весне обживать начну, буду всё в камне возводить. Здесь теперь будет центр Руси.

Григорий Скуратов вместе с дочерьми подошёл к добротному дому, в котором жил протопоп Василий. Отец Василий прославился тем, что не просто был грамотен, но и легко учил детей этой хитрой науке, обучая читать на русском языке, и на греческом.

– Батюшка, да к чему мне грамоту учить, – ворчала Ксения, старшая дочь Григория Лукьяновича, – ну правда – для чего это нужно? А ведь поп за это немало денег берёт. Лучше бы одежду купили.

– Пустое ты, дочка, говоришь. Одежу купим. Слышала ведь, как меня царь-батюшка благодетельствовал? А нынче, коли невеста неграмотная, то кто же к ней свататься будет? Я вот всю жизнь хотел писать научиться, – приврал Григорий, который сам вместе с дочерями принялся изучать письмо. Да только трудно ему давалась грамота. Едва он начинал выцарапывать на бумаге, казалось бы, знакомые слова, как протопоп сразу начинал браниться и всё чиркать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.